

КАРАМЗИНСКІЙ ПЕРІОДЪ.

ОБРАЗЦЫ НОВОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

(примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній)

СОВРАЛЪ

А. ЦВѢТКОВЪ,

Преподаватель 7-й гимназіи и Маріинскаго института.

2

II ОТДѢЛЪ.

- I. Періодъ Ломоносовскій. Ц. 1 р. 25 к., въ переплѣтѣ 1 р. 40 к.
- II. Періодъ Карамзинскій. Ц. 2 р., въ переплѣтѣ 2 р. 15 к.
- III. Періодъ Пушкинскій. Ц. 2 р., въ переплѣтѣ 2 р. 15 к.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Книжный Складъ «Россійской Бібліографіи».
ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ, Книгопродавецъ-издатель.

Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста.

1881.

~~Slav. 8493~~

Slav 4180.1 (2)

Harvard University

Gift of

A. M. G. [unclear], Ph. D.
October 30, 1931.

Типографія д-ра М. А. Хана, Поварській пер., д. № 2.

Предлагаемый сборникъ имѣеть въ виду учениковъ IV, V, VII и VIII классовъ гимназій, для которыхъ можетъ служить пособиемъ при изученіи теоріи и исторіи словесности.

Составитель имѣлъ въ виду и другія учебныя заведенія, почему внесъ въ сборникъ такие образцы, которые въ «Учебныхъ планахъ» Министерства Народнаго Просвѣщенія не обозначены.

Примѣчанія къ помѣщенному въ этомъ сборнику слѣдуютъ въ Приложении къ 4-му тому: «Образцы новѣйшей рус. словесности».

А. Ц.

А. Цвѣтковъ.—Періодъ Карамзинскій.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

стран.

Изъ сочиненій Карамзина.

Изъ Писемъ Русскаго Путешественника.	1
Бѣдная Лиза.	28
О счастливѣйшемъ времени жизни	33
Что нужно Автору?	36
О любви къ отечеству и народной гордости	37

Изъ исторіи Государства Россійскаго.

Предисловіе	44
Іоаннъ III.	53
Покореніе Казани	57
Митрополитъ Филиппъ	64
Убієніе Царевича Дмитрія.	69
Избраніе Годунова въ цари	70
Вънчаніе Годунова на царство	75
Царствованіе Бориса Годунова *)	76
Историческое Похвальное Слово Екатеринѣ II. 103	103
Изъ второй части	104

*) Другіе отрывки, какъ напр. Первые христіанскіе мученики, о Святославѣ, Ольгѣ, Куликовской битвѣ и проч., помѣщены во 2-мъ вып. сборника: „Образцы древней русской словесности“. Спб. 1879.

стран.

Изъ сочиненій Дмитріева,

Пѣсня: Стояеть сизый голубочекъ	108
Размышленіе по случаю грома	109
Чужой толкъ	110
Басня: Пѣтухъ. Котъ и Мышенокъ	114
Чижикъ и Зяблица	115
Лиса-проповѣдница	116
Эпиграммы. Лѣкарь	118
Сожалѣніе.	—

Изъ сочиненій Озерова.

Эдипъ въ Аѳинахъ (трагедія)	119
Димитрій Донской (трагедія)	133

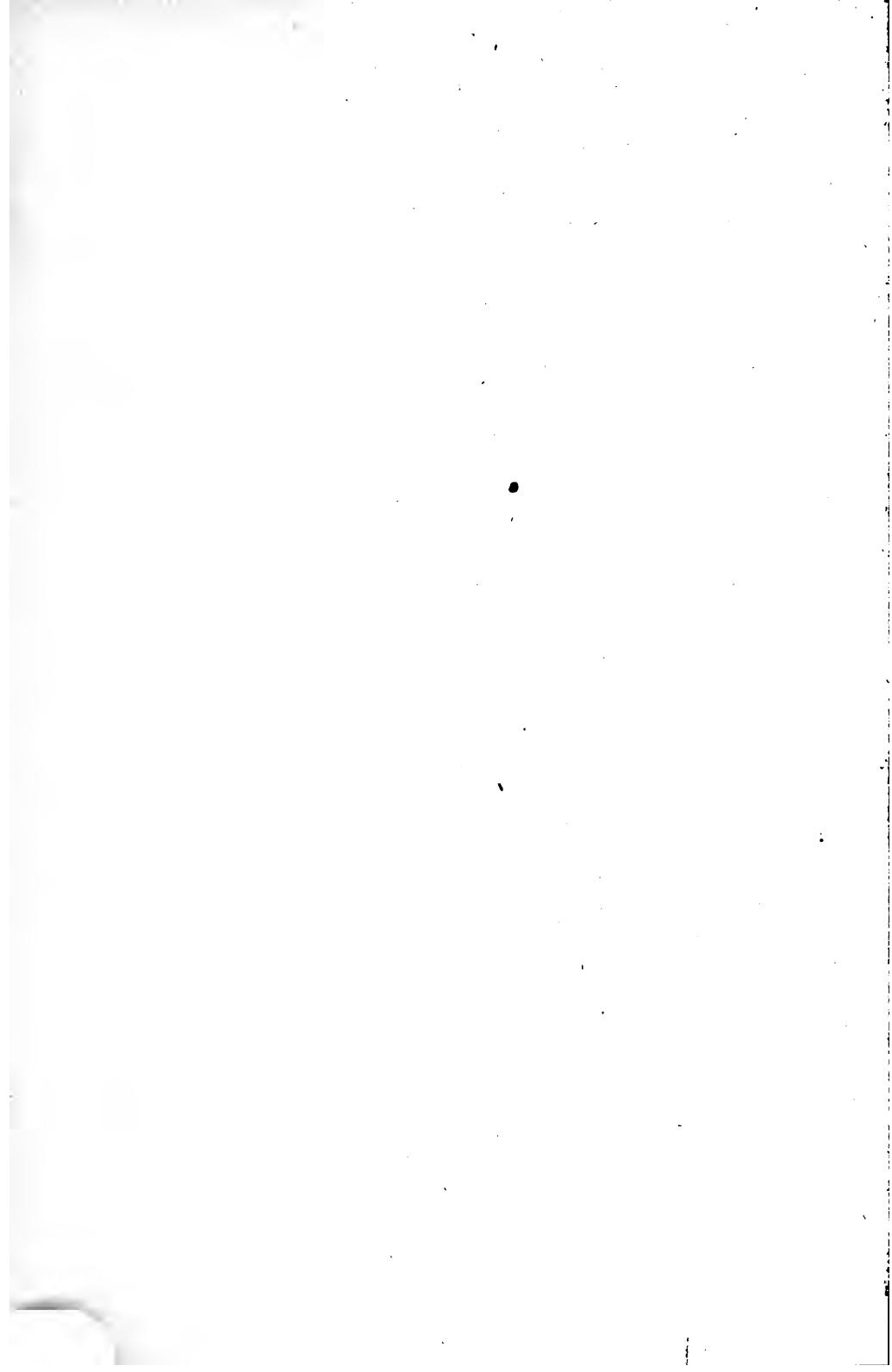
Изъ басенъ Крылова.

Ворова и Курица	144
Василекъ	145
Роща и Огонь	146
Червонецъ	148
Собачья дружба	149
Бочка	150
Волкъ на псарадѣ	151
Лисица и Сурокъ	152
Лжецъ	153
Орелъ и Пчела	155
Обозъ	156
Осель и Соловей	157
Крестьянинъ въ бѣдѣ	158
Обезьяша	159
Старикъ и трое молодыхъ	160
Гуси	161
Листы и Корни	162
Прудъ и Рѣка	163
Пустынникъ и Медведь	164
Камень и Червякъ	166
Лиса-строитель	167
Кукушка и Горлица	168
Квартетъ	169
Словъ и Мосъка	170
Цѣпѣти	171
Мартышка и Очкі	172
Тряшкинъ кафтанъ	—
Левъ Серна и Лиса	173
Булыжникъ и Алмазъ	174
Добрая Лисица	175

	стран.
Лягушка и Юпитеръ	176
Бѣдный Богачъ	177
Крестьянинъ и Работникъ	179
Двѣ бочки.	180
Муравей	181
Свистъ подъ дубомъ	182
Два мужика.	183
Щука	184
Крестьянинъ и Овца	185
Мірская сходка	—
Волки и Овцы.	186
Бритвы	187
Пушки и Паруса	188
Три мужика	189
Вельможа.	190
Двѣ собаки	191
 Изъ басенъ Иамайлова.	
Лгунъ.	192
Кукушка	194
Два кота	—
 Изъ стихотвореній Мерзлякова.	
Велизарій	195
Изъ „Пославія о стихотворствѣ“. (Гораций)	197
 Изъ стихотвореній Козлова.	
Вечерній звонъ	201
Молитва.	—
Радость	202
Тоска по родинѣ.	203
Буря	204
Ночь послѣ грозы	205
Сѣверное сияніе	206
Насъ семеро.	207
Плачъ Ярославны.	209
Монастырь	210
На погребеніе Англійскаго генерала Сира Джона Мура .	211
 Изъ сочиненій Жуковскаго.	
Сельское кладбище (элегія)	212
Вечерь (элегія)	217
Опять ты здѣсь, мой благодатный Гений (Изъ Гете) .	219
Ивиковы журавли (Баллада).	221
Снѣтлава (Баллада)	226
Шѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ	234

	стран.
Пловецъ	244
Теонъ и Эсхинъ	245
Путешественникъ (Пѣсня)	249
Эолова арфа (Баллада)	251
Пѣсня бѣдника	259
Гаральдъ (Баллада)	260
Ночь	261
Графъ Гансбургскій (Баллада)	262
Лѣсной царь (Баллада)	265
Листокъ	267
Утренняя звѣзда	—
Лѣтний вечеръ	269
Море (Элегія)	272
Торжество побѣдителей (Баллада)	273
Жалоба Цереры (Баллада)	277
Ленора (Баллада)	281
Кубокъ (Баллада)	289
Перчатка (Повѣсть)	294
Старый рыцарь	296
Сраженіе со змѣемъ (Повѣсть)	297
Ночной смотръ	301
Пѣснь Русскому царю	303
Изъ «Орлеанской Дѣвы»	304
Рейнскій водопадъ	320
Бастай	321
Отрывокъ письма изъ Швейцаріи	323
Воспоминаніе о торжествѣ 30-го августа 1834 года	330
Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?	335
Изъ Одиссеи: Одиссей у Алкиноя (Пѣсни VII и VIII)	341
Свиданіе Одиссея съ отцомъ (п. XXIV)	352
 Изъ стихотвореній Батюшкова.	
Мой духъ! довѣренность къ Творцу	356
Тѣнь друга	357
На развалинахъ замка въ Швеціи	359
Яворъ къ прохожему	362
Любовь къ природѣ	—
Изъ стихотворенія: «Къ другу»	363
Пробужденіе.	—
Въ обители ничтожества унылой	364
На разореніе Коринея (Пѣснь Нереидъ)	—
Умирающей Тассъ.	365
 Изъ сочиненій Гиѣдича.	
Рыбаки	369

	стран.
Изъ Иліады: Прощаніе Гектора съ Андромахой	380
Пріамъ въ ставкѣ Ахиллеса.	384
Изъ сочиненій кн. Вяземскаго.	
Русскіе проселки	387
Мятель	389
Священныи, о Москва! преданья	390
Степью	391
Молитва.	393
На церковное строеніе	—
Масляница на чужой сторонѣ	395
Старое поколѣніе	398
У страха глаза велики	399
Святая Русь!	402
Сельская церковь	403
Передъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ.	405
О комедіи фонъ-Визина: „Недоросль“	—
О комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ ума“	412
„Горе отъ ума“, комедія Грибоѣдова	415

Изъ сочиненій Карамзина.

Изъ «Писемъ Русскаго Путешественника» (*).

Тверь, 18 Мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь?

— Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты пойдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствиемъ ли засыпалъ, думая: ты пойдешь? Сколько времени не могъ ни о чёмъ думать,ничѣмъ заниматься, кроме путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои—на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце—на готической домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣнныемъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами,

(*) Эпиграфъ: Кто въ мирѣ и любви умѣеть жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать!—Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едвали мнѣ за нее заплатить.

Милой Птвр. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его;—тамъ сѣль я въ кибитку, взглянуль на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: прости! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые?—Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, «выплакать сердце свое». Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ.—Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно.—Простите! Дай Богъ вамъ утѣшений!—Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

Кенигсбергъ, 19 Июня.

Кенигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати

верстъ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ Ганзейскихъ го-
родовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель,
на которой онъ лежитъ, хотя не шире 150 или 160 футовъ,
однако же такъ глубока, что большія купеческія суда могутъ
ходить по ней. Домовъ считается ококо 4000, а жителей 40,000—
какъ мало по величинѣ города! Но теперь онъ кажется много-
люднымъ, потому что множество людей собралось сюда на ярмарку,
которая начнется съ завтрашняго дня. Я видѣлъ довольно хо-
рошихъ домовъ, но не видаль такихъ огромныхъ, какъ въ
Москвѣ, или въ Петербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ выстроенъ
едва ли не лучше Москвы.

Вчерась же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канта, глубоко-
мысленнаго, тонкаго Метафизика, который опровергаетъ и Мале-
бранша и Лейбница, и Юма и Боннета—Канта, котораго Іудей-
ской Сократъ, покойный Мендельсонъ, иначе не называлъ, какъ
der alles zermalmende Kant, т. е. все сокрушающій Кантъ. Я не
имѣлъ къ нему писемъ; но смылость города беретъ—и инѣ
отворились двери въ кабинетъ его. Меня встрѣтилъ маленькой,
худенькой старичекъ, отмѣнно бѣлый и нѣжный. Первые слова
мои были: «Я Русскій дворянинъ, люблю великихъ мужей, и
желаю изъявить мое почтеніе Канту.» Онъ тотчасъ попросилъ
меня сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться
всѣмъ; немногіе любятъ метафизическія тонкости.» Съ полчаса
говорили мы о разныхъ вещахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ,
объ открытии новыхъ земель. Надобно было удивляться его
историческимъ и географическимъ знаніямъ, которыхъ, казалось,
могли бы одни загромоздить магазинъ человѣческой памяти; но
это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, дѣло постороннее. Потомъ я,
не безъ скакча, обратилъ разговоръ на природу и нравствен-
ность человѣка; и вотъ что могъ удержать въ памяти изъ его
разсужденій:

«Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ
быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится
всегда къ приобрѣтеніямъ. Смерть застаетъ насъ на пути къ
чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего
желаетъ; но онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это все
не есть все. Не видя цѣли или конца стремленія нашего въ
зданій жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно раз-

взяться. Сія мысль тѣмъ пріятнѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности между радостями и горестями, между наслажденіемъ и страданіемъ. Я угѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ усажденіяхъ, которыхъ имѣть я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ закономъ нравственнымъ, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о нравственномъ законѣ: назовемъ его совѣтствомъ, чувствомъ добра и зла—но онъ есть. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно.—Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразивъ все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и что бы съ нами было, когда бы мы, такъ сказать, глазами увидѣли ее? Еѣли бы она намъ очень полюбилась, мы бы не могли уже заниматься нынѣшнею жизнью и были въ беспрестанномъ томлѣніи; а въ противномъ случаѣ, не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: авось тамъ будетъ лучше!—Но говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и проч., предполагаемъ уже бытіе Всевѣчнаго Творческаго разума, все для чего нибудь, и все благотворящаго. Что? Касть?... Но здѣсь первый мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ свой, и мы во тьмѣ остаемся; одна фантазія можетъ носиться во тьмѣ сей и творить несобытное.»—Почтенный мужъ! прости, если въ сихъ строкахъ обезобразилъ я мысли твои!

Онъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: *Kritik der praktischen Vernunft und Metaphysik der Sitten*—и сію записку буду хранить какъ священный памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; потомъ мы съ нимъ разстались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описание весьма любопытной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ. Кантъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ... его Метафизики.

Веймаръ, Іюля 20.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома.—У городскихъ воротъ меня допрашивали; послѣ чего предложилъ я караульному Сержанту свои вопросы, а именно: «здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гёте?» «Здѣсь, здѣсь, здѣсь», отвѣчалъ онъ—и я велѣлъ постигну везти себя въ трактиръ Слона.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спросить, дома ли онъ? Нѣтъ, онъ во дворцѣ.—Дома ли Гердеръ? Нѣтъ, онъ во дворцѣ.—Дома ли Гёте? Нѣтъ, онъ во дворцѣ.

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, передразнивая слугу,—взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленый лугъ, обсаженный деревьями и называемый звѣздою, мнѣ очень полюбился; но еще болѣе полюбились мнѣ дикие мрачные берега стремительно текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣть на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала.—Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрять на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякому шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. У него одна мысль, сказалъ обѣ немъ какой-то Нѣмецкій Авторъ, и сія мысль есть цѣлый міръ. Я читалъ его *Urkunde des menschlichen Geschlechts*, читалъ, многаго не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе!

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка.

Гердеръ невысокаго росту, посредственной толщины, и лицемъ очень не бѣдъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенный умъ—(но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь физиognомическимъ колдуномъ). Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ минѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, такого ничего, что бы показывало желаніе казаться